

Я ненавижу, то, что Розмэйн получает всё, что захочет. Я ее старший брат, и я был крещен еще весной, но все внимание уделяется только ей. Лампрехт говорит, что ей по-своему тяжело, но он должно быть лжет, чтобы защитить свою младшую сестру. В том смысле, что она совсем немного пробежала, и этого оказалось достаточно, чтобы она упала, и только от этого, почти что умерла. Как такая слабачка, может хоть что-то делать?

Розмэйн - единственная, кто может покинуть замок, когда захочет, ей не надо учиться и её постоянно хвалит за ужином отец. Мне даже в его кабинет не разрешают зайти, потому что я «буду мешать», а Розмэйн постоянно пускают... Это просто нечестно!

Когда я рассказал ей о своих чувствах, она предложила поменяться местами на день. Это была лучшая идея, которую я когда-либо слышал. Я должен был покинуть замок и всех моих назойливых слуг, отправившись в храм, где я мог делать все, что хотел, точно также, как и Розмэйн. А она тогда пусть веселится с кучей моих учителей.

- Вы готовы, лорд Вилфрид? - спросил Лампрехт, прежде чем расправить крылья своего верхового зверя и взлететь в воздух. Я сидел прямо перед ним, и подъем в воздух и полет наполнил меня восторгом, от которого кружилась голова. Настоящей несправедливостью было то, что Розмэйн испытала это первой.

- Лампрехт, когда я сделаю своего верхового зверя, он будет львом, как у Фердинанда? - Спросил я, глядя вперед на Фердинанда, сопровождавшего нас в храм.

Лампрехт кивнул.

- Да. Дети эрцгерцога используют одноголовых львов, а когда вы сами станете эрцгерцогом, то сможете сделать льва с тремя головами, как у символа герцогства.

Сам я никогда не видел Отцовского верхового зверя, но это звучало очень здорово. Конечно, у него должен быть самый здоровый верховой зверь. И пока я размышлял об удивительном льве, который у меня будет, то внезапно понял...

- ... Но верховой зверь Розмэйн не похож на льва.

- Он странный, не правда ли? Я и сам никогда раньше не видел такого верхового зверя, - ответил Лампрехт.

Вскоре появился храм. Он расположился прямо между белым, без малейшего темного пятнышка Дворянским кварталом и чем-то коричневым, и грязным. Я слышал, что храм находится на другой стороне Квартала Дворян, но он оказался намного ближе, чем я думал.

- Лампрехт, что это за коричневое, грязное место?

- Нижний город, где живут простолюдины. Это не то место, с которым вам когда-либо придется иметь дело, лорд Вилфрид.

Когда мы приземлились у храма, то нас встретил человек в серой рясе, глаза его расширились в удивлении, стоило ему увидеть меня. Фердинанд спрыгнул со своего верхового зверя и передал ему письмо.

- Фран, прочти это. Оно от Розмэйн. Они оба меняются местами на день, - сказал Фердинанд. - Вилфрид, это Фран. Он старший слуга Розмэйн в храме. Пока вы здесь, вы будете делать то, что он вам говорит. Фран, полагаю, что иметь дело с Вилфридом будет непросто. Я присоединюсь к вам позже.

- Я понимаю, Верховный жрец. Рад вас видеть, лорд Вилфрид. Пойдемте переоденем вас?

- Хорошо, - ответил я.

Меня отвели в покои Верховного Епископа, в которых жила Розмэйн. Оказавшись там, Фран сказал другим слугам Розмэйн, что я собираюсь быть Верховным Епископом один день, после чего они облачили меня в белые одежды. Очевидно, это было то, что носил Верховный Епископ.

- Какой чай вы предпочитаете? - Спросила меня слуга по имени Никола, пока Фран читал письмо Розмэйн. Затем она приготовила мне восхитительный чай и подала сладости, которых я никогда раньше не ел. Рассыпавшись у меня во рту, они окутали его изнутри изумительной сладостью.

- Я никогда раньше не ел таких сладостей. Розмэйн постоянно везет. Я тоже хотел бы есть такие вещи весь день, - пожаловался я, съедая еще одну.

Услышав это, Никола расплылась в улыбке.

- Леди Розмэйн придумала рецепты этих сладостей, поэтому, если вы хотите есть сладости, которые никогда раньше не пробовали, я предлагаю вам сделать то же самое и придумать рецепты самостоятельно. Есть ли у вас какие-либо идеи? Я люблю готовить. Хотя есть их я люблю еще больше! - ответила она со смехом, а ее глаза были полны предвкушения. Но откуда мне знать рецепты сладостей, которых я раньше не ел?

... Розмэйн придумала эти сладости? Подобное вообще возможно? Как вообще придумывают сладости? - подумал я, засовывая себе в рот еще одну, пытаюсь понять, как она это сделала. К тому времени, когда Лампрехт спросил, собираюсь ли я что-нибудь из них оставить ему, я уже съел почти все, кроме нескольких штук. Их я с сожалением передал ему.

Пока я наслаждался нетронутым из-за сладостей чаем, Фран что-то сказал слуге по имени

Моника, заставив ее поспешно покинуть комнату. Вскоре после этого вошел Фердинанд, который как будто специально выбрал время, чтобы оно совпало с тем, в которое я допивал свою чашку чая. На нем была синяя ряса Верховного жреца, которую я уже видел при крещении Розмэйн.

- Согласно составленному Розмэйн расписанию, вам на сегодня поручено - получить отчет в приюте, а потом осмотреть мастерскую. Вашими рыцарями сопровождения будут Лампрехт и Дамуэль, а Фран и Моника будут вашими слугами свиты, - объявил Фердинанд.

При этом женщина-рыцарь Розмэйн, вошедшая с Фердинандом, отсалютовала и отступила в сторону. Затем в сопровождении Фердинанда, я покинул комнату и пройдя через несколько коридоров перешел в другое здание.

- Это приют, где собирают детей без родителей. За этими дверями находится столовая, - сказал Фран, прежде чем открыть их, чтобы показать большую комнату с длинными, но грубовато выглядящими деревянными столами, стоящими бок о бок друг с другом.

Я с любопытством огляделся и заметил, что все внутри стоят на коленях. Каждый был одет в одинаковые серые рясы. Похоже, это была их форма, наподобие той которую носили чиновники.

- Верховный Епископ и Верховный жрец, пожалуйста, пройдите на свои места, - сказал Фран.

У меня не было особого желания сидеть на голой деревянной доске, но Фердинанд сел так, словно это была сущая мелочь, так что у меня не было другого выбора, кроме как сделать то же самое.

- Перейдем сразу к делу - я слышал, что отчет для Верховного Епископа уже готов. Не мог бы ответственный за отчет подойти и начать доклад?

Женщина с оранжевыми волосами вышла вперед, повернулась ко мне лицом и начала отчет, из которого я ничего не понял. Фердинанд временами кивал, в то время как Фран что-то записывал на странной доске, державшую в руках.

- ... Что ты рассказываешь? - Спросил я.

- Я даю финансовый отчет за этот месяц, - ответила женщина.

- Какое это имеет отношение ко мне? - Спросил я, и в следующее мгновение Фердинанд шлепнул меня по голове. Самым неприятным из его шлепка было мое ошалелое потрясение от непонимания произошедшего, я удивленно вскинул голову, пытаюсь осмыслить случившееся.

Лампрехт был так же удивлен и посмотрел на Фердинанда широко открытыми глазами:

-Лорд Фердинанд?!

- Ч-ч ... Что?!

Я едва смог заставить себя произнести хоть что-то. В том месте, где он ударил меня, все росла и росла горячая, жгучая боль, но единственное, что я мог сделать, это бросить на него ошеломленный взгляд.

- Ты дурак. Розмэйн - Верховный Епископ и директор детского дома. Вы поменялись с ней местами, а значит, все происходящее здесь имеет к тебе непосредственное отношение. Даже если ты не понимаешь ничего, сиди спокойно и храни молчание. Такова работа Розмэйн.

Несмотря на то, что я явно разозлился, Фердинанд недовольно посмотрел на меня и отчитал. Так как я был все еще очень зол и не мог ничем ответить на удар, то решил нахмуриться и грозно посмотреть на женщину, делающую отчет, надеясь, что это заставит ее закончить эту скучную вещь как можно скорее, но она просто хихикнула и продолжила, явно зачитывая все что было написано на листе.

... Неужели она не понимает, что я недоволен ею? Какая тупая женщина.

Отчет был настолько скучным, что примерно на полпути я решил вместо того, чтобы сидеть неподвижно пойти побродить по округе. Но когда я попытался спрыгнуть со своего места, Фердинанд как будто выстрелил рукой и уцепился за ногу.

- Ай, больно! Фердинанд, что вы делаете?!

- Разве ты не слышал меня, когда я сказал сидеть спокойно, или это просто за пределами твоего понимания? Ты глупый или просто глухой? Возможно, и то и другое, - заметил Фердинанд, глядя на меня холодными глазами, как будто он и вправду думал, что я дурак.

Кровь прилила мне к лицу. Никогда в жизни, не испытывая подобного унижения, я встал, чтобы ударить Фердинанда, но едва успел сжать кулаки, как он обхватил ладонью мой лоб и толкнул меня обратно на скамью.

- Заткнись, сядь и слушай. Понял?

- Ммм ... Лампрехт! - Позвал я своего телохранителя, который даже не попытался мне помочь, но Фердинанд только сильнее сжал мою голову.

- Сколько раз я должен повторяться? Заткнись. Сядь. И слушай.

Некоторые дети начали хихикать, наблюдая, как Фердинанд держит меня на месте. Я слышал,

как они переговаривались между собой: «Он что не понимает?» и «Ему просто нужно послушаться».

- Я-я сделаю как ты говоришь, хорошо?! Только отпусти меня!

- Ты дурак. Не трать время других на такие бессмысленные истерики, - сказал Фердинанд с едкой насмешкой, прежде чем ослабить хватку.

Моя голова сильно болела, мне казалось, что его пальцы как-будто оставили на ней вмятины, которые никогда не исчезнут. Остальную часть отчета я провел, прожигая голову Фердинанда злобными взглядами, не в силах ни встать, ни сделать что-либо, кроме того, как сдерживать свой гнев.

Гааа! Будь ты проклят, Фердинанд!

- На этом, отчет за месяц окончен. Мне нужно еще кое-что обсудить с Франом и Верховным жрецом, так почему бы вам не потратить немного времени на игру в каруту с детьми, Верховный Епископ? - Предложила женщина.

Мои уши словно встали торчком при слове «игра». Я тут же посмотрел на Фердинанда, который сначала взглянул на детей-сирот, а затем медленно кивнул, сказав: Разрешаю.

Я мгновенно спрыгнул со скамьи, немного потянулся, а затем последовал за Лампрехтом и Дамуэлем туда, где собрались все остальные дети.

- Итак, что такое карута? - Спросил я.

- Я научу вас, - сказал один ребенок. - Мы можем поиграть вместе.

Одно дело - играть против взрослых, но я никогда не проигрывал никому из детей, которые приходили играть в замок. Мне нужно было использовать эту возможность, чтобы доказать всем детям, которые смеялись надо мной, насколько я потрясающий.

- Сначала кто-то читает то, что написано на особой карте. Затем все остальные пытаются схватить карты с изображением первой буквы слова. Выигрывает тот, у кого больше карт, - продолжил ребенок. - Поскольку вы играете впервые, Верховный Епископ, вы можете попросить одного из ваших стражей помочь.

Раньше я не играл в каруту, так что объединиться с Лампрехтом, наверное, будет хорошей идеей. Кроме того, ребенок сам предложил мне это, так что тут не было ничего нечестного.

Сев рядом с Лампрехтом мы начали играть. Я предполагал, что Дамуэль будет читать карты,

но вместо этого, это делал ребенок примерно стольких же лет, как и я.

- Ты можешь читать? Это действительно впечатляет. Даже я пока не умею читать, - благоговейно сказал я. Но вместо того, чтобы оценить похвалу, все дети смущенно посмотрели на меня.

- ... А? Вы Верховный Епископ, но не умеете читать?

- Благодаря каруте и книжкам с картинками, которые сделала леди Розмэйн, каждый в приюте умеет читать.

- О, но только не Дирк! Он всего лишь младенец, - добавил один из детей, указывая на ползающего по полу младенца. Было очевидно, что все дети в приюте умеют читать, и единственным, кто не умел, был ребенок меньше моего младшего брата Мельхиора.

... Так я что же, совсем неразумный, как этот младенец? - Опешив, подумал я. В конце концов, Лампрехту удалось получить только одну карту, которая оказалась ближе всего к нам; другие дети забрали все остальные.

- Что за поражение. Вот что происходит, когда тебе бросают вызов дети, которых родители не заставляют проигрывать намеренно, - сказал Фердинанд.

- Лорд Фердинанд! Вы не можете говорить подобное... - начал Лампрехт, но его прервали.

- Но это правда, которую ему необходимо осознать, - сказал Фердинанд, еще раз насмешливо рассмеявшись, прежде чем двинуться дальше.

- Следуй за мной.

Нгххх ...! Будь ты проклят, Фердинанд!

Затем мы прошли через здание для мальчиков, чтобы добраться до мастерской. Там были взрослые и дети такого же возраста, как и я, все в грязной одежде, похоже то, чем они тут занимались, испачкало их руки и лица.

- Это лорд Вилфрид, который в течении сегодняшнего дня будет Верховным Епископом вместо леди Розмэйн, - сказал Фран, представляя меня. При этом двое мальчиков вышли вперед, опустили на колени и начали приветствия в аристократическом стиле.

- Я молюсь о благословении в знак признательности за эту счастливую встречу, дарованную Шутцарией, богиней ветра, - сказали они.

Я влил ману в свое кольцо - хотя всё еще не слишком хорошо умел это делать - прежде чем ответил.

- Да будет благословенна эта встреча.

На этот раз я действительно неплохо справился. Кивнув про себя, я посмотрел на Лампрехта, который улыбнулся мне и одобрительно кивнул в ответ.

- Лютц, Гил, можете встать. Кажется, вы сегодня просили Розмэйн посетить вас. Какое у вас было к ней дело? Вилфрид займется этим вместо нее.

- Мы закончили новую книгу с картинками и хотели передать ей одну.

- Пожалуйста, передайте это леди Розмэйн. А вот и вам книга, лорд Вилфрид. Пожалуйста, примите это, как подарок в честь нашей встречи, - сказал зеленоглазый ребенок, прежде чем протянуть мне две книги. Они были сделаны некачественно - являясь не более чем пачками бумаги. Они были тонкими, маленькими и даже без обложек; без объяснений со стороны было трудно понять, что это на самом деле книги.

- Книжки с картинками? Что это за книги? И что с ними делают?

- Их читают. Розмэйн недавно начала их делать, и она с нетерпением ждала завершения этой книги.

...Розмэйн сделала и придумала и это тоже?

Я начал листать одну из книжек с картинками, рассматривая большие черно-белые иллюстрации внутри. На некоторых страницах был текст, как и в каруте. Затем я взглянул на двух детей, оба были примерно моего возраста. Они высоко держали свои головы, и их глаза были полны уверенности.

- ... Вы двое можете читать эту книгу?

- Конечно. Мы не смогли бы работать, если бы не умели читать. Я очень старался, чтобы научиться! - Ответил мальчик с пурпурными глазами и гордо улыбнулся.

- Умение читать это редкий навык для простолюдинов, но даже они могут научиться, когда это необходимо для работы. Возможно, это будет грубостью, подарить кому-то, кто не умеет читать, книгу при первой встрече, но, поскольку вы дворянин, я уверен, что об этом нам не надо волноваться, - нервно произнес зеленоглазый ребенок, и посмотрел на Фердинанда в поисках подтверждения своих слов.

И снова Фердинанд неприятно ухмыльнулся, глядя на меня холодным насмешливым взглядом.

- Да, любой, кто получил дворянское образование, умеет читать. Весьма маловероятно, что когда-нибудь вы встретите аристократа, который не умел бы.

- Какое облегчение услышать это.

... Все дворяне умеют читать, а простые люди могут научиться, если им это нужно по работе? Я почувствовал, как мое лицо словно окаменело, пока я смотрел на книжку с картинками.

- Вы все возвращайтесь к своей работе. Я собираюсь показать ему, что именно здесь делается, - отдал приказ Фердинанд, после чего все, кто стоял на коленях, встали и возобновили свою работу. Я смотрел, как они уходят, замечая, бросаемые ими на меня взгляды, и видел, как дети, которые дали мне книжки с картинками, начали считать листы бумаги и давать инструкции тем, кто был не занят.

- Фердинанд, почему эти двое раздают приказы, когда здесь так много взрослых?

- Один - ученик слуги, а другой - подмастерье торговца, но оба близки к Розмэйн и прошли у неё личное обучение. От неё они получают прямые указания, управляют мастерской и предоставляют ей отчеты. Будь то из-за огромной ответственности, которую они несут, или из-за наставлений Розмэйн, они оба растут и учатся невероятно быстро. Возможно, у нее есть природный талант воспитывать и обучать людей, - сказал Фердинанд. Меня он постоянно оскорблял и только издевался надо мной, а детей в мастерской хвалил, а также Розмэйн за то, что она их вырастила такими.

Я почувствовал, как в груди у меня зарождается неприятный жар.

- Это был пятый колокол. Сейчас мы вернемся в свои покои. Вы все хорошо поработали сегодня. Надеюсь, что вы и в дальнейшем будете так же прилежно трудиться.

- Как пожелаете, - ответили все присутствующие в мастерской, встав на колени и гордо улыбаясь похвале Фердинанда.

С книжками в руках я вернулся в покои Верховного Епископа. Мои уроки обычно заканчивались днем, на пятом колоколе, после чего оставшаяся часть дня была свободна, и я предполагал, что здесь будет тоже самое. Но стоило нам вернуться, как Фран начал выкладывать на стол огромные стопки дощечек.

- Что это?

- Молитвы, которые вы должны выучить перед отъездом на Фестиваль Урожая. Вам не нужно знать о самом фестивале, поскольку вы не поедете туда, лорд Вилфрид, но, поскольку молитвы пригодятся для применения магии, я думаю, вам будет полезно изучить их сейчас, - сказал Фран.

Лампрехт взял доску и скользнул по ней взглядом, затем удивленно расширил глаза.

- Ты хочешь сказать, что Розмэйн учит вот это?

- Конечно. Леди Розмэйн - Верховный Епископ, - кивнул Фран, таким тоном, словно это было чем-то само собой разумеющимся.

- Вы знаете, что одна-единственная ошибка в благородном обществе может обернуться для кого-то дурной репутацией, которую будет уже не изменить? Теперь, когда она приемная дочь эрцгерцога, леди Розмэйн не может допустить ни одной такой ошибки. В первый год ей приходилось довольно тяжело, поскольку каждая церемония для неё была внове, и она должна постоянно запоминать слова все новых молитв, но она до сих пор справляется благодаря своей замечательной настойчивости.

Фран по очереди, считая на пальцах продолжил перечислять каждый ритуал, который должна была исполнить Розмэйн. Летом она была назначена Верховным Епископом, а это означало, что она проводила ритуалы только в течение одного сезона. И все же она провела Церемонию Звездных Уз, церемонию летнего совершеннолетия, церемонию осеннего крещения и вскоре отправится проводить Фестиваль Урожая по всему Центральному району. Верховного Епископа постоянно ожидала просто огромная куча работы.

- Я не могу этого сделать. Я не умею читать, - сказал я, качая головой, глядя на дощечку с написанными на ней молитвами. Их надо было запоминать Розмэйн, а не мне. Я вернул доску Франу, который затем просто передала ее Лампрехту.

- В этом случае сэр Лампрехт прочтет их вслух, и вы выучите их, повторяя за ним. Когда закончите, сможете поужинать.

- Что ...?!

- Кто угодно сможет запомнить все что потребуется, если отнесется к этому серьезно. Верховный жрец, позвольте мне заварить чаю. Вы, должно быть, устали, - сказал Фран, прежде чем плавно развернуться и направиться на кухню. Тот факт, что он меня вообще не слушал, так разозлил меня, что я закричал ему в спину:

- Я не хочу! Я не собираюсь запоминать это! - Крикнул я, топая от гнева ногами.

Фран обернулся, обеспокоенно нахмурившись. Но прежде, чем он ответил, Фердинанд издал

преувеличенно громкий вздох

- Что ж, Фран, похоже, Вилфриду сегодня ужин будет не нужен. Если он не успеет запомнить молитвы к шестому колоколу, начинайте есть без него. В противном случае божественные дары не будут готовы для приюта.

- Понимаю.

Я. Проклинаю. Тебя. Фердинанд! Ты не должен был произносить подобное!

Я стиснул зубы и впился взглядом в Фердинанда, но он просто посмотрел на меня холодными, прищуренными глазами. Совсем не боясь меня.

Вот почему бастарды хуже всех! Ненавижу бастардов! Беззвучно прокричал я слово, которое все время говорила бабушка, и это меня немного успокоило, хотя на самом деле я не знал, что оно означает.

Теперь, сумев поразмыслить над этим, я понял, они ни за что не посмеют не подать мне ужин, даже если я не запомню и одну из этих молитв. До сих пор меня никогда не наказывали так сильно за пропуск уроков и отказ учиться читать, все будет так и здесь. Единственное, что мне нужно было сделать, это дожидаться, пока Фердинанд уйдет.

Когда прозвенел шестой колокол, Фердинанд отправился есть в свои покои. Я взглянул в сторону Франа и увидел, что, проводив того, он пошел делать приготовления к ужину.

Я так и знал. Конечно, я для него намного важнее чем любые приказы Фердинанда.

Я радостно фыркнул и стал ждать, когда мне подадут ужин. Лампрехт был в восторге от еды, сказав, что еда здесь вкуснее, чем в рыцарских казармах, а сладости были настолько хороши, чтобы я бы испытывал такой же восторг, как и он.

- Прошу прощения за ожидание, сэр Лампрехт. Ваша еда приготовлена. Леди Бригитта предпочла поесть позже, так что вы можете поесть вместе с сэром Дамуэлем, если хотите.

- Понятно. Я не прочь поесть с Дамуэлем, но ... - Лампрехт нервно переводил взгляд с Франа на меня.

- Не волнуйтесь, леди Бригитта присмотрит за лордом Вилфридом, пока вы ужинаете. Мы знаем, что вам будет неудобно есть перед ним, пока он не может, поэтому мы подготовили для вас отдельную комнату, - сказал Фран.

Я испытал такое сильное потрясение, что чуть не упал. Он на самом деле не собирался давать

мне поесть, как и приказал Фердинанд!?

- Фран, ты хоть представляешь, что делаешь?! Разве ты не знаешь, кто я?!

- Я уже говорил вам, что вы будете есть только после того, как выучите молитвы, и лорд Фердинанд приказал мне следовать этому порядку, - спокойным голосом ответил Фран. Слуги в замке всегда просто с ног сбивались, чтобы услужить мне, но Фран, похоже вообще не собирался исполнять мои желания. Что происходит, в чем дело?

- Как ты думаешь, кто здесь важнее, я или Фердинанд?!

- Конечно, лорд Фердинанд.

- Что?! Но я первый сын эрцгерцога! – Закричал я. - Не равняй меня с бастардом!

В замке все говорили, что я имею более высокий статус, чем Фердинанд, потому что он был бастардом, а я - нет. Я предполагал, что Фран этого просто не знал, но, когда я поднял глаза, чтобы увидеть его реакцию, он раздраженно покачал головой.

- В настоящий момент вы Верховный Епископ вместо леди Розмэйн. Она дала мне строгие инструкции не потакать вам как сыну эрцгерцога, а обращаться с вами так же, как обращались бы с ней, находящейся под надзором и опекой лорда Фердинанда.

- Чтобы не ... потакать ... мне? – Запинаясь выговорил я, не в силах поверить в то, что только что услышал.

Именно тогда в моей голове мелькнуло воспоминание о том, как Розмэйн сказала: «Тогда у тебя не возникнет трудностей с моими слугами, которые будут относиться к тебе как к Верховному Епископу». Я ответил на это, сказав: «Ну конечно», но это все равно не имело никакого смысла.

- ... Позволить мне поужинать – является потаканием?

- Решится использовать свое положение, чтобы избежать ответственности и наказаний, - признак явной испорченности. То, что вы считаете это нормальным и уместным, показывает, насколько избалованы вы потаканием в течение всей вашей предыдущей жизни, - опыт, которого не разделяла леди Розмэйн, - сказал Фран, прежде чем повернуться к Лампрехту. - Сэр Лампрехт, пожалуйста, начинайте есть. Потом мы должны отнести остатки в приют, поэтому задержки здесь имеют далеко идущие последствия.

- Я...

- Было бы лучше, если бы вы доверили лорда Вилфрида нам. Пока вы рядом, то напоминаете ему о его прежней жизни в замке, и он будет ожидать, с нашей стороны привычного ему потакания, - сказал Фран со сдержанной улыбкой, не оставляющей места для споров. Затем он повел Лампрехта в другое место, оставив меня одного в комнате с людьми, которых я почти не знал.

- Могу я зачитать вам вслух дощечку, лорд Вилфрид? - Спросила женщина-рыцарь по имени Бригитта, прежде чем взять доску и встать рядом со мной. - Здешние слуги могут быть добрыми и преданными, но они совсем не податливые. Для вас это должно быть настоящим потрясением.

Ей было поручено охранять Розмэйн после крещения, поэтому она, вероятно, сможет рассказать мне на что была похожа жизнь в храме с точки зрения аристократа.

- Эти слуги точно также относятся и к Розмэйн?

- Да. Они делают все возможное, чтобы леди Розмэйн выполняла свои обязанности как дочь эрцгерцога и Верховного Епископа без единой ошибки. Когда я впервые начала служить ей, то пожаловалась Франу, что взваленное на её плечи бремя слишком велико. Но, он сделал мне выговор, - сказала Бригитта, грустно улыбнувшись, глядя на дощечку. Если дела были настолько плохи, что рыцарь-страж решил высказаться в защиту своей подопечной, то положение Розмэйн должно было быть действительно тяжелым.

- И ей нужно не только запомнить вот это вот, но и делать много другого?

- Верно. Она должна выучить не только молитвы, но и последовательность действия в каждом ритуале, ключевые моменты, кому давать благословение, и общее количество людей, участвующих в каждой церемонии. Эта стопка досок содержит гораздо больше информации, чем просто слова для молитв. И до сих пор она всегда успешно выполняла свой долг, когда наступало время.

Я не мог поверить, насколько жизнь Розмэйн отличалась от моей. Мне никогда не приходило в голову, что мне и вправду ужасно потакают.

- ... Прочтите мне доску, пожалуйста.

- Как пожелаете.

Бригитта зачитала мне текст в слух, и я повторял ее слова, пока не запомнил их. Когда Лампрехт закончил есть и вернулся, его глаза расширились от удивления, при взгляде на меня.

- Я вижу, вы очень много работали. Это просто превосходно, - сказал Фран, впервые похвалив меня, прежде чем поставить на стол достаточно еды, чтобы получился ужин для одного человека.

Я едва успел закончить запоминание молитв до седьмого колокола, и хотя я ел позже, чем кто-либо другой, еда все еще была горячей и вкусной. Повара, должно быть, дожидались меня, чтобы мой ужин оставался вкусным.

...Я теперь понял. Они добрые, но никого, никогда не балуют.

Взявшись за еду, я вздохнул. Мне очень хотелось вернуться в замок. Я хотел сказать Отцу и Матери, что выучил наизусть молитву, и чтобы они похвалили меня за то, что я хорошо справился.

- ... Есть в одиночестве - это как-то грустно, - сказал я вслух.

- Леди Розмэйн иногда говорит тоже самое.

- Хух. Так Розмэйн тоже ест здесь одна...?

После ужина слуги искупали меня, и каждый дал мне отчет о своих дневных трудах. Такого со мной никогда раньше не было. Мои слуги были либо заняты сопровождением меня, либо искали меня; у них никогда не было работы, когда меня не было рядом.

Когда отчеты были закончены, мне, наконец, пришла пора спать. Я очень устал. За всю свою жизнь я никогда раньше не чувствовал такой усталости. Это был первый раз, когда мне приходилось так часто использовать голову, поэтому я уснул мгновенно несмотря на то, что лег раньше обычного.

- Доброе утро, лорд Вилфрид.

Едва я услышал голос, как кто-то сдвинул занавески вокруг моей кровати. Заставим меня закрыть глаза как можно сильнее, чтобы спастись от яркого света.

- Я все еще не отдохнул.

- Пора просыпаться.

- Отстань. Я сказал, что все еще не отдохнул! - Закричал я, натягивая одеяло на голову, но оно

было сорвано с меня силой. Разинув глаза, я искал виновника такого жестокого пробуждения, только чтобы увидеть, что это был не один из моих слуг. Фран под углом приподнял матрас, заставив меня соскользнуть с него.

- Я уже сказал вам, что пора просыпаться. Пожалуйста, переоденьтесь и позавтракайте. Я уже уделил вам столько времени, сколько смог.

Утро в храме наступало особенно рано, и это был первый раз, когда меня буквально силой заставили встать с постели. Фран переодел меня и подал мне завтрак. Пока я ел, голова немного кружилась, потому что обычно, в это время в замке, я все еще лежал в постели.

- После завтрака настанет время практиковаться в игре на фэйсшпиле, - сказала учительница музыки Розмэйн, принеся музыкальный инструмент. Он был рассчитан на детей, и одного его вида было достаточно, чтобы заставить меня скривиться.

- Я плохо играю на фэйсшпиле. Он мне не нравится.

- В этом случае вам еще больше необходимо практиковаться и совершенствоваться. Музыка - одно из немногих занятий, времяпрепровождение за которым считается аристократами пристойным, - сказала она.

Я знал, что игра на музыкальных инструментах важна для знати, но не все были хороши в игре на фэйсшпиле. Карстедт сказал, что однажды я сам смогу выбрать инструмент, который мне будет по нраву, что объясняло, почему он так хорошо играл на флейте. Но когда я повторил эти слова учителю музыки, она просто склонила голову.

- Я участвовала в Весеннем Молебне с лордом Карстедтом, и, хотя он предпочитает флейту фэйсшпилю, он был способен играть и на последнем. Изучение нот и слов к песням исполняемым на фэйсшпиле - это необходимые основы, и только после овладения ими вы можете начать искать инструмент к которому у вас лежит душа. Желание играть на других инструментах - не повод не уметь играть на фэйсшпиле.

- Д-да ч-что за ...? - Пробормотал я. Ни Карстедт, ни мой учитель музыки никогда не говорили ничего подобного.

- Не говоря уже о том, что, поскольку вы крестились в этом году, и вы, и Леди Розмэйн дебютируете зимой. Я слышала от Верховного жреца, что будет концерт, на котором все дети в присутствии взрослых будут играть на фэйсшпилях. Если вы не будете усердно практиковаться, разве вы не опозорите себя, когда не сможете сделать то, что могут все другие дети? - Спросила она, напомнив мне, как вчера я был единственным, кто не смог читать каруту.

Мои щеки вспыхнули только от одной мысли о том, что свидетелями в этот раз будут дворяне, заставив меня почувствовать странную смесь ощущения собственного ничтожества, разочарования и ужаса.

- ... Розмэйн практикуется каждый день?

- Бывают случаи, когда ее расписание не позволяет заниматься игрой, но, когда она находится в храме, то обязательно практикуется каждый день. Навыки ухудшаются, если вы не тратите время на их оттачивание и поддержание, - сказала учитель, прежде чем достать ноты. - Никто не обретает умение игры в одно мгновение, поэтому ежедневная практика является необходимостью. Пожалуйста, практикуйтесь, пока вы не сможете сыграть хотя бы одну песню до наступления зимы. Не думайте ни о чем другом. Просто сосредоточьтесь на одной песне.

... Мне нужно было выучить только одну песню до зимы, так что, возможно, я смогу с этим справиться.

За этот урок я не прикоснулся ни разу к фэйсшпилю - мне не разрешили этого сделать, а все, что мне было дозволено и что я делал, так это напевал голосом ноты с листа;

Когда к третьему колоколу, урок закончился, учительница мило улыбнулась мне.

- Очень хорошо. Вернувшись в замок, потренируйтесь двигать пальцами в соответствии с изученным звукорядом. Вы выучили их очень быстро, поэтому у вас должна быть хорошая память.

Я почувствовал покалывание в груди, может быть потому, что не привык, чтобы меня хвалили. Она посоветовала мне продолжать практиковаться, сказав, что эта песня - все, что мне нужно, чтобы иметь основания держать голову гордо поднятой во время зимнего дебюта.

В замке третий колокол отмечал время прихода профессора, дававшего мне утренние уроки. Но здесь профессоров не было. Я расслабился, думая, что наконец-то у меня появилось немного свободного времени, и в следующий миг появился Фран с кучей всякого в руках.

- Пришло время помочь Верховному жрецу в его работе.

- ... А?

- Верховный жрец выполняет большую часть работы Верховного Епископа, помимо выполнения церемониальных молитв, поэтому, чтобы уменьшить его нагрузку, леди Розмэйн помогает ему с оформлением документов с третьего по четвертый колокол. Итак, пожалуйста, поторопитесь, сэр Лампрехт.

Фран увлек меня и Лампрехта в кабинет Фердинанда. Там было несколько слуг, и все они делали свою работу. То, что я оказываю помощь в таком месте, заставила меня ощутить небольшой прилив гордости в груди, потому что сейчас я как бы был наравне со взрослыми.

Стоило мне войти внутрь, решив работать столь же прилежно, как дети, которых я видел вчера

в мастерской, Фердинанд оторвался от своих бумаг.

- А, вот и ты. Вилфрид, сядь там и попрактикуйся в письме. Вон каменная пластина с образцами. Лампрехт, вот некоторые вычисления, которые нужно сделать, - сказал он, указывая на стол, на который его помощники выложили каменные плиты, бумагу и карты. В мгновение ока появились чернила и счеты.

- Практиковаться в письме?! Значит, я не буду помогать вам в работе?!

- Что за глупый вопрос. Как ты можешь мне помочь, если даже не умеешь читать и писать? - спросил Фердинанд, на этот раз даже не оторвавшись от своих бумаг.

- Но Розмэйн ...

- Она могла отлично писать еще до того, как я встретил ее. Она быстро выучила новые слова, и, когда в комнате с текстами ей дали для проверки прочесть отрывок из священного писания, она с таким энтузиазмом прочитала его, что мне едва ли нужно было учить ее чему-либо, связанным с письмом, - продолжил Фердинанд. Розмэйн, видимо, научилась писать и читать без его помощи.

... Да кто, или вообще, что такое моя младшая сестра?

- Розмэйн хорошо разбирается в арифметике, как и следовало ожидать от человека, владеющего мастерской и проводящего так много времени с купцами. Доски перед Лампрехтом содержат всю работу, которую она обычно выполняет. Надеюсь, ты с этим справишься, раз уж ты, так великодушно предложил занять ее место.

Лампрехт широко распахнутыми глазами, глядел на стопку досок. Он всегда сочувствовал мне, не желающему изучать арифметику, вероятно, потому что сам плохо в ней разбирался.

- Я думал, что пришел сюда помогать в работе, но это не более чем урок письма? Я не собираюсь этого делать. Я уйду! - заявил я, спрыгивая со стула, чтобы убежать, как всегда.

Но Фердинанд схватил свой штаппе и что-то быстро проговорил себе под нос. Несколько лучей света вырвались из штаппе и лентами обернулись вокруг меня, так, чтобы я не мог даже шевельнуть рукой или ногой, неуклюже упав лицом вниз.

- Лорд Фердинанд?! Да что вы тво... - начал потрясенный Лампрехт, но Фердинанд прервал его, шагнув вперед, поднял меня, как будто я был мебелью, и грубо усадил обратно на стул.

- Я не позволю тебе сбежать. Ты сказал, что поменяешься местами с Розмэйн. Если ты действительно сын эрцгерцога, ты должен, по крайней мере, взять на себя ответственность за свои обещания, - сказал Фердинанд, привязав меня к стулу настоящей веревкой, прежде чем

рассеять магические ленты.

Он вел себя так грубо и неуважительно, что я даже не знал, что сказать. Я понятия не имел, почему ему позволили сделать это со мной или почему ему никто ничего не сказал о недопустимости подобного отношения ко мне.

- Лампрехт, приступай к работе, - приказал Фердинанд. - Хватит глазеть в пустоту. Ты зря теряешь время.

Тот факт, что Лампрехт сразу же выпрямил спину и принялся за работу, сказал мне, что я просто не могу победить Фердинанда. Не имея другого выбора, я потянулся к каменной плите.

В комнате Фердинанда было жутко тихо. Единственными звуками были скрип ручки, щелчки счетов, приглушенные просьбы передать то или это и тихий шелест бумаг, когда люди приносили выполненную работу. С ощущением будто я задыхаюсь, я сначала пытался практиковаться в письме, но вскоре отложил каменную табличку, из-за того, что мои руки начали побаливать. Фердинанд заметил это и встал, после чего подошел ко мне, чтобы рассмотреть мои результаты.

- ... Это лучшее, на что ты способен?

- Лорд Вильфрид очень старается, лорд Фердинанд, - ответил за меня Лампрехт.

Еще как стараюсь. Я уже практиковался намного дольше, чем обычно. Хвали меня, хвали, - думал я, внутренне подбадривая Лампрехта. Но Фердинанд просто посмотрел на Лампрехта такими же холодными глазами, как и на меня.

- Это из-за того, что вы так баловали Вилфрида, он вырос, настолько, ленивым и тупым.

Лампрехт ахнул, широко открыв глаза. Его рот почти беззвучно открывался и закрывался, как будто он собирался возразить, но в конце концов он просто закусил губу и промолчал.

Фердинанд пренебрежительно фыркнул, а затем обратил на меня свои ледяные золотые глаза.

- Вилфрид, в замке нет никого, кто готов бы быть честным с тобой, поэтому именно здесь я должен сообщить тебе правду. У тебя нет ни решимости, ни самоотдачи, ни серьезного отношения к делам, которые нужны сыну эрцгерцога. В твоих жилах течет благородная кровь, но она впустую растрочена на такого глупого и эгоистичного ребенка как ты.

Это было сущей неправдой; я вел себя очень достойно, как и подобает сыну эрцгерцога. Более того, Фердинанд был единственным, кто называл меня глупым и эгоистичным. Больше никто так не делал. Все, что он здесь сказал мне, было неправильным.

- Фердинанд! Вы ведете себя неуважительно! – Воскликнул я.

- Неуважительно? Нет, я просто сказал правду. Ты уже прошел крещение, но не умеешь читать, писать и считать. Ты - некомпетентный дурак, который использует свой статус сына эрцгерцога, чтобы избежать всякой ответственности. Если тебя попросят помочь Сильвестру в его работе, ты ничем не сможешь ему помочь. Ты – просто бесполезен. Не жди, что я тоже буду потакать тебе.

Я зарычал и злобно посмотрел на Фердинанда. Как бы мне ни хотелось закричать, что он ошибается, я не мог произнести эти слова.

- Лорд Фердинанд, это уже слишком!

- Лампрехт, похоже, ты тоже отлыниваешь от порученной тебе работы. Розмэйн уже давно бы справилась со всем что я тебе поручил. Ты слишком медленный. Я вижу, что и слуга, и хозяин одинаково бесполезны, - заметил Фердинанд, не обращая внимания на протесты Лампрехта, прежде чем снова взглянуть прямо мне в глаза.

- Вилфрид, твой отец испытал, много горя из-за проблем с преемственностью, и, раз нет никаких проблем с твоей маной, он желает, чтобы именно ты унаследовал его пост как его старший сын.

Я знал это. И отец, и бабушка говорили, что я буду следующим эрцгерцогом.

- Сильвестр, кажется, думает, что лидер может быть настолько некомпетентным, насколько он хочет, пока окружает себя выдающимися помощниками. Но есть разница между тем, чтобы собрать вокруг себя выдающихся помощников и удержать их, заставив компенсировать их умением свои бесконечные провалы. И в отличие от Сильвестра, у тебя нет харизмы и силы духа, чтобы естественным образом собрать таких союзников.

- Лорд Фердинанд, вы слишком много ждете от маленького ребенка, - возразил Лампрехт.

- Ты называешь его маленьким ребенком, но он уже крестился. Более того, он не просто ребенок, а ребенок эрцгерцога. Будь всё так, как оно должно было быть, Вилфриду пришлось бы работать усерднее и нести больше ответственности, чем Розмэйн, которую просто удочерили в семью эрцгерцога. Может у тебя сложилось впечатление, что Вилфрид действительно работает больше или несет больше ответственности, чем она? Вижу, что нет.

В его аргументах было слишком много смысла, чтобы с ними можно было не согласиться. Одного дня в храме было достаточно, чтобы я понял, насколько талантлива Розмэйн, а также как много она работала каждый день. Все ее слуги работали вместе, чтобы убедиться, что она сможет как можно лучше исполнять свою роль Верховного Епископа и дочери эрцгерцога. Каждый день ей давали кучу заданий, которые она всегда выполняла.

А я же ... Что я делал все это время? Все что я мог вспомнить о моих уроках – лишь мои с них бесконечные побеги.

- Лорд Фердинанд, вы не ошибаетесь, но ... - начал Лампрехт, но Фердинанд заставил его замолчать одним взглядом, выглядящим гораздо, намного, более злым, чем когда он разговаривал со мной. На секунду его светло-золотистые глаза, казалось, изменили цвет, а мгновение спустя Лампрехт застыл на месте и задрожал, как будто этот взгляд лишил его всех сил. Когда Фердинанд наклонился к нему немного ближе, Лампрехт издал слабый стон, как будто ему было больно

- Вилфрид - не единственный некомпетентный дурак, который не прикладывает никаких усилий для работы над собой. Ты такой же. Лампрехт, если тебя по-настоящему волнует будущее своего подопечного, научись привязывать его к стулу и заставлять учиться. Вероники рядом больше нет.

Что он имеет в виду?! - мысленно воскликнул я.

Фердинанд посмотрел в мою сторону.

- Розмэйн – девочка с множеством выдающихся способностей, поэтому я не ожидаю, что Вилфрид хотя бы сравнится с ней. Но если он хочет, чтобы его приняли как сына эрцгерцога, ему нужно работать не меньше, чем работает она. Разве я не прав?

- ... Нет, вы правы. - Лампрехт с болью выдавил ответ. Это было похоже на то, как будто Фердинанд наложил на него проклятие или что-то в этом роде, за исключением того, что у него не было сейчас штаппе в руке. Я понятия не имел, что он сделал с Лампрехтом, но все, что я мог делать, так это дрожать, от неопишуемого страха, охватившего моё сердце.

- Я получил сообщение от Франа, что Вильфрид успешно запомнил слова молитв вчера вечером и успешно напевал музыкальные гаммы песни, исполняемой на фэйсшпиле сегодня утром. В итоге я был принужден признать, что он уродился совсем не дураком. Когда он прикладывает усилия, то может добиваться успеха, а это означает, что вина лежит на тех, кто испортил его своим потаканием и превратил его в дурака. На его слугах! Знай же, что это ты ответственен за это! - заявил Фердинанд, прежде чем опустил взгляд и разочарованно вздохнул.

В тот же момент Лампрехт рухнул на стол.

- Лампрехт! Фердинанд, что ты ...

- Вилфрид, - сказал Фердинанд, прервав меня тяжелым голосом. Как бы странно это ни звучало, но мне действительно показалось, будто на мой живот давит что невероятно тяжелое.

Он смотрел на меня просто ужасающим взглядом - в этих холодных, темных, золотых щелях, не

было ни капли теплых чувств ко мне. Это были очень страшные глаза, непохожие на всё, что я когда-либо видел раньше, и даже не осознавая, мои зубы начали стучать.

- Нет ничего, что я хотел бы меньше, чем служить такому ленивому, избалованному и неспособному дураку, как ты. Если ты будешь оставаться таким, какой есть, я сам воспитаю твоих братьев и сестер должным образом и приложу все силы чтобы ты не унаследовал трон своего отца.

И Отец, и Бабушка говорили, что я буду следующим эрцгерцогом, и я думал, что чтобы ни произошло, этого никто не в силах изменить. Я никогда даже не думал, что кто-то может бросить вызов их словам. Услышать, что мое будущее на самом деле не обеспечено, было похоже на удар по голове, от которого мне захотелось заплакать.

- По традиции, следующим эрцгерцогом становится ребенок законной жены предыдущего эрцгерцога, у которого наибольшее количество маны. Тебе следует помнить об этом, - сказал он.

Я тяжело сглотнул, когда зазвонил четвертый колокол. Мой день, проведенный на месте Розмэйн, подошел к концу.

Дорогие читатели, несомненным фактом является то, что сервис поиска ошибок на рулейте значительно уступает таковому на Фикбуке с его "Публичной бетой". Если вы решили уделить немного своего времени и сил "поимке блох", пожалуйста, указывайте предложение с ошибкой целиком, это намного упростит мне поиск и последующее исправление. Я ведь все таки не редактор и в мои функции подобная работа не входит.

Для вас переводил Фаат и редактировал Apothecary (он же Disharmonic)

<http://tl.rulate.ru/book/6509/1282785>